

Эмин Джафаров / Коммерсантъ

Григорий ЯВЛИНСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНТРОПИЯ

Цифровые технологии и глобализация беспорядка

Москва
«Медиум»

УДК 32-027.21

ББК 66.0

Я20

Явлинский Г. А.

Я20 **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНТРОПИЯ. Цифровые технологии и глобализация беспорядка** / Предисловие А. В. Рябова. – М. : «Медиум». – 188 с.: цв. ил.

ISBN 978-5-85691-091-8

В книге «Политическая энтропия» рассматриваются процессы, вызывающие кризисные явления в мировой политике и формирующие экономику новой эпохи. Автор указывает на серьезные изменения в обществе в контексте влияния четвертой промышленной революции, прежде всего информационно-коммуникационных технологий, на политику и жизнь человека.

Редактор: А. Х. Фишман

Составители: А. Х. Фишман, И. А. Яковлев

Корректор: Р. М. Синаюк

Фото на обложке:

PRNewsfoto/Saudi G20 Presidency

Reddit.com @u/Ketcchup

ISBN 978-5-85691-091-8

© Явлинский Г. А., 2021

© Рябов А. В., предисловие, 2021

Содержание

Предисловие.....	4
ВВЕДЕНИЕ.....	15
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Потеря будущего.....	20
Глава 1. Время тревог и перемен	22
Глава 2. Глобальный дисбаланс и кризисная смена лидерства	48
Глава 3. Будущее России в глобальной политике.....	62
Глава 4. Способность к переосмыслению	71
Глава 5. Предопределенность кризиса	80
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Цифровые технологии и глобализация беспорядка.....	94
Глава 1. Мир без альтернативы	96
Глава 2. О политических системах новой эпохи.....	102
Глава 3. Пандемия и политика	112
Глава 4. Информационная охлократия	120
Глава 5. Об экономике новой эпохи.....	132
Глава 6. Массовые протесты и современный мир	144
Глава 7. Put Your House in Order.....	149
Глава 8. Что делать? Институционализация ценностей	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	175
Список литературы.....	178

Предисловие

Утверждения о том, что мир уже не будет таким, как прежде, после пандемии COVID-19 стали своеобразным лейтмотивом в рассуждениях политиков и деятелей культуры, журналистов и экспертов в разных отраслях знания о будущем человечества. И мир действительно меняется буквально на наших глазах, но не только и не столько из-за коронавируса. Кризисные явления, ставшие особенно очевидными на фоне пандемии и охватившие сегодня все стороны социальной жизни на нашей планете, возникли не одновременно. Некоторые имеют длительную историю, другие появились совсем недавно. Над масштабами и опасностью одних человечество задумывалось уже давно, серьезность иных стало ощущать лишь в последнее время.

Примечательно, что обострение многочисленных проблем и противоречий современного мира происходит на фоне, казалось бы, невиданного расширения возможностей человека, обусловленного революцией в информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) и наступлением «цифровой эры». Поэтому некоторым мыслителям и комментаторам нынешние проблемы кажутся лишь временными препятствиями, досадными девиациями на пути к «дивному новому миру», в процессе создания которого все эти проблемы могут быть легко устранены. Дайте лишь каждому индивиду, не вписывающемуся в новую «цифровую экономику», гарантированный доход и возможности безбрежного погружения в виртуальный мир желаний и удовольствий!

Но многим такая картина будущего справедливо кажется завышенно оптимистичной. С их точки зрения, создание новых иерархичных классово-сословных обществ с жесткими разграничительными линиями внутри них, сужение к минимуму социальных лифтов, по определению, сделают такие общества нестабильными и неустойчивыми по аналогии с развитыми капиталистическими странами периода “la belle époque” («прекрасной эпохи») последней трети XIX — начала XX веков. По меткому определению британского историка Эрика Хоббсбаума, это были общества для меньшинства, создавшие мир «буржуазии и для буржуазии»¹. Поэтому они оказались неустойчивыми и вынуждены были либо исчезнуть (как в России), либо трансформироваться в более инклюзивные под давлением массового революционного и рабочего движения после Первой мировой войны. Однако большинство тех, кто не разделяет излишнего оптимизма в связи с наступлением «дивного цифрового мира» (если перефразировать выражение Олдоса Хаксли), предлагает бороться с присущими ему проблемами и противоречиями методами, почерпнутыми из арсенала политики прошлого века. Речь в таких случаях идет о введении специальных «справедливых» налогов на «цифровые» транснациональные корпорации; новом перераспределении доходов в пользу бедных слоев населения путем раздачи им бюджетных денег; попытках выдавить из политического поля нежелательные популистские партии, не заботясь об устранении причин их неожиданного взлета; прямолинейном продвижении в общество взглядов и ценностей различных меньшинств, не особенно задумываясь о реакции большинства на это. Следует отметить, что такие подходы проистекают из представления о нынешней ситуации как об очередном

¹ Хоббсбаум Э. Век империи. 1875–1914 / Пер. с англ. Е.С. Юрченко и В.П. Белоножко. Ростов-на-Дону, Изд-во «Феникс», 1999. С. 12.

стадиальном кризисе капитализма, во многом повторяющем в основных чертах предыдущие кризисы, кои уже не раз случались в истории человечества. И, стало быть, разработанные ранее идеи и приемы вполне применимы и для решения нынешних проблем. Однако, как показывает политическая практика первых десятилетий нашего века, пока что ни в одной стране мира попытки разрешить современные проблемы или хотя бы ослабить их давление на общество с помощью методов прошлого, пусть даже не столь далекого, результатов не дали.

В этом контексте книга известного российского политика и ученого-экономиста Григория Явлинского интересна прежде всего тем, что рассматривает нынешний кризис не как разновидность уже случавшихся в истории капитализма кризисов, а как новое, системное явление в современной истории человеческой цивилизации. Хотя по форме книга представляет сборник статей, написанных в период с 2017 по 2020 год, на самом деле она выходит за границы этого жанра. Перед читателем материалы, пронизанные одной целью — не только описать, но и попытаться понять как целостный феномен причины нынешней неопределенности в мире, приведшей к потере человечеством видения будущего (недаром книга так и называется «Политическая энтропия», то есть неопределенность состояния). Эта неопределенность затрагивает различные сферы — экономику и социальные отношения, международную политику и политические системы государств, информационное пространство и СМИ, культуру и мораль. Автор стремится проследить нарастание неопределенности по всем этим направлениям в динамике. Поэтому не случайно, что хронологически точкой отсчета его анализа стал 2017 год — еще «допандемический» мир, когда многие кризисные тенденции уже обрели зримые очертания, а продолжение писалось в 2020 году, уже после того, как

Предисловие

нашу планету накрыла волна пандемии и многие проблемы человечества еще более обострились.

В основе размышлений автора неожиданная во многом идея о том, что после Второй мировой войны развитие человеческой цивилизации пошло не лучшим путем, что и привело к нынешней кризисной ситуации. Такая постановка вопроса действительно звучит необычно для тех, кто убежден в безальтернативности нынешней модели либерального капитализма, которая утвердилась в развитых странах во второй половине XX века, став своеобразным ориентиром развития для большей части остального человечества, для тех, кто привык рассматривать прочие социальные формы как временные девиации от этой модели. При этом Явлинский не пытается противопоставить ей какую-то выдуманную идеальную социальную систему, движение к которой помогло бы человечеству в короткие сроки избежать большинства нынешних проблем. И, конечно же, он бесконечно далек от того, чтобы в качестве таких альтернатив рассматривать различные нерыночные модели или системы авторитарного капитализма. В книге речь идет о какой-то иной, упущенной возможности создания открытого общества, также основанного на рыночной экономике, политической демократии и солидарности, но сфокусированного на иные цели.

По мысли автора, в поисках реалистичной альтернативы советскому социализму, вышедшему после Второй мировой войны за границы СССР, западная философская, социологическая и экономическая мысль предложила в качестве долгосрочного ориентира развития концепцию общества, основанного на крайнем индивидуализме, личной корысти и эгоизме, следуя которым можно будет добиться социального равновесия и устойчивости (с. 38–40). Эти философско-политические ориентиры послужили основой для выработки соответствующей экономической стра-

тегии, нацеленной не на освоение внешнего по отношению к человеческому обществу пространства, прежде всего, природы, космоса, Мирового океана, предполагавшее строительство требующей огромных затрат инфраструктуры. Эта стратегия была нацелена на развитие индивидуального потребления, «на различного рода нематериальный и культурный «контент», не требующий для своего производства гигантских материальных и энергетических затрат» (с. 34).

Создание общества потребления в развитых странах в третьей четверти XX века явилось закономерным результатом реализации такой стратегии. Информационно-коммуникационная революция, начавшееся формирование «цифрового общества» в новом столетии позволили качественно развить и усовершенствовать модель потребления, во-первых, сделав его максимально индивидуализированным, а во-вторых, сфокусировав на достижении личного комфорта здесь и сейчас, важнейшим атрибутом которого становится постоянная смена впечатлений. Это обстоятельство, кстати, и придало решающий импульс к мощному взлету индустрии развлечений в начале XXI века.

Однако революция в информационно-коммуникационных технологиях, раздвинув до невероятных масштабов разнообразие потребления, неожиданно стала подрывать, как пишет Явлинский, сами основы потребительского общества. В фазе своего расцвета оно было обществом большинства — среднего класса, стандарты образа жизни которого, его мировоззрение, ценности, жизненный уклад стали своеобразной нормой для всего общества в целом. Сложившийся на этой основе социальный консенсус в развитых странах предопределил и характер их политических систем. В них власть попеременно делили партии умеренно-центристского толка, а ответственность политических элит поддерживалась не только четко налаженной системой демократических выборов, но и моральными ограничителя-

ми. Общественное мнение формировалось под сильным влиянием авторитетных общественных и политических деятелей и профессиональных экспертов в различных областях знания.

В реалиях начала XXI века капитализм «цифровых платформ» создал такой уровень монополизма в экономике, который не снился даже централизованным монополистическим гигантам первой трети прошлого столетияⁱⁱ. Революция в технологиях положила начало массовой роботизации, которая в перспективе приведет к качественным изменениям на рынке труда, отмиранию многих ныне распространенных профессий, высвобождению миллионов людей из сферы хозяйственной деятельности, причем не только занимающихся физическим трудом, но и «белых воротничков» с высоким уровнем образования. Важнейшим социальным последствием формирования капитализма «цифровых платформ» стало усиление неравенства в обществе, его новое измерение — между бенефициарами «цифровой экономики» (разработчиками и создателями программных продуктов и платформ и их владельцами) и обычными потребителями — «юзерами». Все это сопровождается стремительным размыванием и сокращением численности среднего класса и новыми разделительными линиями по критериям качества потребления и образа жизни. Широкий выбор разнообразных, в том числе интеллектуально насыщенных форм потребления, свободное перемещение по миру у групп, стоящих на высших этажах социальной иерархии, и упрощенное межличностное общение в социальных сетях с погружением в игровую виртуальную реальность интернета у тех, кто оказался вне этих групп. По мнению Явлинского, в дальнейшем «расхождение (а возможно, и конфликт)»

ⁱⁱ Срничек Ник (2019). Капитализм платформ / Пер. с англ., под ред. М. Добряковой. М.: ИД ВШЭ. С. 83, 85–86.

между цифровым и традиционным сектором экономики «станет неотъемлемым явлением в долгосрочной перспективе» (с. 143). И уже в настоящее время это расхождение порождает все новые и новые группы недовольных, не находящих себе места в «дивном цифровом мире», которые, утратив веру в будущее, хотели бы вернуться в «золотой век» общества всеобщего благоденствия.

Углубление монополизма в экономике, невиданное расширение возможностей манипуляции общественным мнением с помощью новых ИКТ — все это способствовало усилению отрыва правящих элит от общества, превращению их в замкнутые корпорации. Следствием таких сдвигов становятся размывание ответственности политических элит перед обществом, утрата населением доверия к традиционным партиям и даже институту выборов, что ведет к росту протестного движения по всему миру, взлету популизма, обещающего возвращение в годы благополучия и уверенности в завтрашнем дне. С этих позиций автор книги подробно анализирует кризис современных политических систем развитых государств, уделяя особое внимание феномену «трампизма» (с. 149–158).

В контексте захвативших мир попыток найти альтернативу неопределенному будущему в собственном прошлом Явлинский рассматривает и развитие современной России. По его мнению, этот путь носит тупиковый характер. Россия, где общество потребления пустило глубокие корни, не сможет играть роль лидера «третьего мира» и успешно противостоять развитию Запада. Единственная для страны возможность построить достойное для себя будущее лежит на пути совместных с открытыми обществами развитых стран поисков новых решений в условиях нынешнего цивилизационного перелома (с. 69).

Подробно анализирует автор и влияние информационно-коммуникационной революции на общество и политику.

Предисловие

С одной стороны, внедрение персональных компьютеров, появление интернета, социальных сетей и мессенджеров воплотило в себе невиданный прогресс демократии, когда возникла возможность, чтобы практически каждый голос жителя нашей планеты мог быть услышанным. Мир, по меткому определению американского журналиста Томаса Фридмана, действительно стал «плоским»ⁱⁱⁱ, в нем любой человек потенциально — это не только СМИ, но и самостоятельный субъект хозяйственной деятельности, предприниматель. Но, с другой стороны, возникший в результате технологических перемен «бессистемный поток информации» сломал веками складывавшуюся систему фильтров, разрушил иерархию источников новостей и обесценил экспертное мнение. Все это в совокупности с тенденцией к преобладанию визуального контента над текстовым заметно повысило эмоциональную составляющую восприятия информации в ущерб рационально-критической. В итоге возникли новые, ранее невиданные возможности для манипулирования общественным мнением со стороны тех, кто владеет и контролирует информационные ресурсы. И в то же время стихийность и агрессивность новой информационной среды (Явлинский называет ее информационной охлократией), ее склонность к восприятию простых мнений и решений стали одним из факторов, обусловивших кризис современных политических систем. Именно благодаря информационной охлократии стали возможными неожиданное появление на политической сцене популистских политиков, сопровождающееся перераспределением политического влияния, разрушение традиционных механизмов рекрутирования элит и размывание их политической ответственности. Автор пессимистичен в отношении перспектив информационной ох-

ⁱⁱⁱ Friedman Thomas L. (2006). The World is Flat. The Globalized World in the Twenty-First Century. London, Penguin Books Ltd. 660 p.

лократии. С его точки зрения, она «не приведет общество ни к свободе, ни к жизни без страха, ни к уважению к человеку» (с. 131). Более того, в сфере развития информационного пространства «общество вступает на неизведанную территорию, и возможны самые разные, в том числе непредсказуемые повороты событий» (там же). От себя хочется добавить: возможно, в этих поворотах скрываются и очередные развилки в истории человеческой цивилизации, кроются ее новые альтернативы?

Перед любым специалистом в области социальных наук, изучающим кризисные явления в современном мире, и тем более перед политиком, неизбежно встает вопрос о том, как найти путь к более справедливому, более сбалансированному миру, как должен выглядеть этот мир? Конечно, для создания проекта будущего, соответствующего этим целям, для выработки политической и экономической стратегии его построения нужны тысячи исследований, профессиональных обсуждений и широких общественных дискуссий с участием политиков, ученых, представителей бизнеса, некоммерческого сектора и массовых организаций. И это займет какое-то время, хотя для принятия судьбоносных решений его осталось у человечества не так уж и много. Поэтому сейчас возрастает значение новых идей и подходов в отношении преодоления нынешнего кризиса и выбора оптимальной модели будущего. Своими предложениями на эту тему делится с читателями и Явлинский. С его точки зрения, важнейшими условиями создания проекта будущего должно стать, во-первых, четкое осознание правящими элитами культурной и цивилизационной целостности мира. Отсюда следует, что такой проект возможен лишь как глобальный, охватывающий все страны и народы, а не только узкий круг избранных. И для создания проекта, во-вторых, нужно понимание властью имущими в развитых странах своей ответственности «именно

за весь мир, а не за „крепость“ западной цивилизации, защищаемой от „орд варваров“» (с. 166).

Но как приступить к новому проекту? «Для этого, — по мнению автора, — необходимо прежде всего иное, нежели принятое в последние 50 лет, целеполагание» (с. 166). Очевидно, не случайно, что уже в главе, посвященной новой экономике, автор, хотя и не скрывая своих сомнений, уделяет пристальное внимание трудам зарубежных экономистов, пытающихся в качестве альтернативы максимизации прибыли как цели компании предложить новые ориентиры — достижение максимального баланса интересов людей, которые прямо или косвенно затрагивает деятельность фирмы (с. 140–143). Поэтому вполне логичным представляется ход его дальнейших рассуждений о том, что «искусственному наращиванию потребностей в развитой части мира и мировоззренческому релятивизму должна быть противопоставлена (и при этом определена как главная политическая цель) институционализация ценностей» (с. 167). Это понятие Явлинский определяет таким образом: «Исходный принцип состоит в том, что люди имеют право на свободу и достоинство, просто потому, что они люди. В центре всего должны стоять жизнь человека, его возможности и творчество. И эти цели надо превращать в институты — устойчивые формы организации деятельности людей» (там же). Как полагает автор, институционализация ценностей будет приобретать различные формы в разных сферах социальной жизни. Одно дело — в международных отношениях, другое — в бизнесе, третье — в обеспечении равенства возможностей, четвертое — в судебной системе и армии. Впрочем, пересказывать эти предложения не имеет смысла, нужно просто обратиться к тексту книги.

Осуществить институционализацию ценностей в обстановке «грандиозного фейкового шторма» (с. 172) будет край-

не просто, убежден Явлинский. И непременным условием успешного перехода к новому, более совершенному миру должно стать обеспечение свободы ценностного выбора, которую он называет главной отличительной чертой человека (с. 173). Исходя из этого утверждения автора, нетрудно предположить, что без выполнения данного условия человеческая цивилизация может и не выжить под влиянием технологических изменений, оказавшись, к примеру, под властью искусственного интеллекта. И конечно, для успешного продвижения к новым целям нужно «такое политическое лидерство, у которого прочная нравственная основа и стратегическое видение стоящих перед обществом и миром вызовов совмещаются с эффективностью в осуществлении поставленных на этой основе целей» (с. 172). Эта мысль представляется чрезвычайно важной, поскольку в условиях относительно спокойного развития последних десятилетий большинство политических лидеров привыкли жить, «плывя по течению», полагая, что если и возникают какие-то серьезные проблемы, то они как-нибудь разрешатся сами собой в будущем. А моральный релятивизм в политике, разрыв между декларируемыми ценностями и практическими действиями стал, к сожалению, широко распространенным явлением в мировой политике.

Книга интересна не только этими и многими другими авторскими оценками и предложениями, но и тем, что, без сомнения, ставит много фундаментальных вопросов, предлагая читателю самостоятельно поразмышлять над важнейшими проблемами развития и перспективами современного общества.

Андрей Рябов,

главный редактор журнала

«Мировая экономика и международные отношения»

ВВЕДЕНИЕ

Для чего и о чем написана эта книга

Стало общим местом сообщать читателю в начале политологических и экономических текстов о том, что из-за пандемии мир теперь находится в ином состоянии, что произошли существенные изменения, углубились линии разлома в экономике и обществе.

Растущее неравенство, широко распространенное чувство несправедливости, рост национальных эгоизмов, геополитические разногласия, политическая поляризация, увеличивающийся государственный дефицит и высокий уровень долга, неэффективное управление, чрезмерная монетизация, ухудшение состояния окружающей среды — вот некоторые из основных проблем, существовавших до пандемии.

Кризис, вызванный пандемией, обострил их все.

Получается странная картина: многие авторы серьезных политологических исследований и экономисты видят надвигающиеся серьезные проблемы, но при этом, похоже, никто не может или не хочет выработать план действий, который был бы направлен на их предотвращение, пока еще не слишком поздно.

Однако что должно стать первым шагом к практической политике? Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо понять причины кризисных явлений. Без понимания причин происходящего (в данном случае речь, конечно,

не о вирусе), как показывает история, неизбежны новые потрясения, острые конфликты и даже кровавые столкновения.

Времени на переосмысление, размышления и определение безопасного и эффективного пути в будущее совсем немного. Даже у исполнительного председателя Всемирного экономического форума в Давосе — ежегодной встречи представителей международной политической и деловой элиты — нет сомнений, что мир уверенно идет навстречу все большему экономическому дисбалансу, социальному неравенству, несправедливости и деградации окружающей среды, становится более циничным, более разделенным, более опасным, более эгоистичным и просто невыносимым для широких слоев населения земного шара [Schwab, Malleret, 2020, p. 98].

Так происходит потеря будущего.

Можно исходить из того, что мир уже проходил через подобные трудности — эпидемии, резкие рецессии, геополитические разногласия и социальную напряженность, — и надеяться, что с большими или меньшими потерями пройдет через них снова, что жизнь наладится, и экономика вместе с ней. Однако рассчитывать на это не стоит. Четвертая промышленная революция, цифровые информационно-коммуникационные технологии качественно меняют поведение людей, отношения между ними и, как результат, мир в целом.

Как в этих новых условиях дать человеку реальную свободу и возможность для творчества? Как избавить от ежедневного страха? Как сделать мир менее разобщенным и менее агрессивным, но более политически инклюзивным и справедливым?

Поиску причин и факторов, формирующих сегодняшнюю реальность, и самое главное, поиску контуров позитивной перспективы посвящена эта книга.

Практически вся первая часть книги («Потеря будущего») была написана в 2016–2017 годах — уже после «брекзита» и победы Трампа. Это продолжение анализа и выводов, изложенных в книге «Realeconomik» [Yavlinsky, 2011], которая посвящена фундаментальным причинам кризиса 2008–2009 годов.

К моменту первой публикации «Потери будущего» в 2017 году уже несколько лет шла война в Сирии, был аннексирован Крым, гибли люди в Донбассе, Европа не знала, как справиться с волной переселенцев, политический популизм стал определять значительную часть повестки дня мировых демократий. Однако абсолютное большинство тогда не видело в этих явлениях реальной угрозы сложившемуся миропорядку. Людям казалось, что все это не касается их лично: сегодня к власти придут одни, завтра будут уже другие, а если у других не получится, то их сменят третьи. Тогда еще не было ощущения системного провала в глобальной политике. Возможно, поэтому «Потеря будущего» не воспринималась в те годы так остро, как сейчас. В действительности та работа как бы опередила время, целью ее публикации было предупреждение, призыв не только к размышлению, но и к обсуждению возможного действия, предостережение о риске опоздать.

Пандемия коронавируса ускорила многие процессы в мире, обнажила скрытые ранее проблемы. В очень многих странах власти оказались почти беспомощными в противостоянии реальной угрозе, которую нельзя ни подкупить, ни запугать, ни обмануть. Современные политические системы продемонстрировали свою неработоспособность в чрезвычайной ситуации. «Потерю будущего» буквально на своем личном опыте ощутили сотни миллионов людей на всей планете.

Вторая часть книги, написанная в 2020 году, больше напоминает сводки с фронта, чем предостережения. Вот уничтоженная альтернатива, вот крах политических систем, вот информационные технологии работают против человека, вот раздавленная под этим прессом экономика.

И здесь возникает вопрос, можно ли было еще в 2017–2018 годах успеть сделать что-то, чтобы не допустить наблюдаемой сегодня повсеместно (и в первую очередь в США, в России и в европейских странах) политической энтропии? Не исключено, что да, можно было. Например, в России такой шанс, вероятно, был упущен в марте 2018 года, когда выборы президента были превращены в пропутинский плебисцит, препятствовать которому у общества не хватило даже не сил, а понимания происходящего. Именно после этого произошло повышение пенсионного возраста, ужесточились преследования противников режима, была искорежена Конституция, которая закрепила авторитарную репрессивную систему.

И во второй части книги под названием «Цифровые технологии и глобализация беспорядка» продолжается осмысление затронутых в первой части проблем, прежде всего — воздействия на человека и общество информационно-коммуникационных технологий нового поколения, связанных с экспансией интернета, возможностью сбора и обработки больших массивов данных, использованием элементов искусственного интеллекта.

Собранные в одной книге публикации, разделенные всего несколькими годами, показывают масштаб происходящего в глобальной политике, демонстрируют, с какой стремительной скоростью развиваются процессы в современном мире. То, что в 2017 году казалось отдаленной перспективой, в 2019-м приобрело уже вполне четкие очертания, а в 2020-м стало почти всем ясной, очевидной

Введение

реальностью. Но крайне важно не столько предугадать или описать кризисные явления, сколько обозначить пути выхода. Поэтому цель этой работы — обратить внимание на особенности новой эпохи и попытаться наметить безопасный и достойный свободного человека путь в будущее, найти вектор преодоления хаоса и продолжающегося кризиса государственных, политических, социальных и экономических институтов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОТЕРЯ БУДУЩЕГО

(2017–2018)

...Вдоль дороги все не так,
А в конце — подавно...

Владимир Высоцкий

Глава 1

Время тревог и перемен

В последнее время произошло много событий, серьезно изменивших самоощущение миллионов людей по всему миру, в первую очередь в экономически наиболее развитой его части, до сих пор объективно выступавшей в роли лидера мирового развития и во многом определявшей облик миропорядка.

Это, в частности, неожиданный для многих подъем *антиглобалистских и традиционалистских настроений* в развитых странах, в значительной степени определивший исход референдума о выходе из ЕС в Великобритании и президентских выборов в США 2016 года. Этот подъем оказался сопряженным с изменением восприятия в мире процессов глобализации от больших надежд и оптимизма к преобладанию тревог, опасений и разного рода страхов.

Это также *объективные изменения характера глобализации*, которая приобрела более хаотичный, менее управляемый, а во многих случаях — и откровенно дезорганизующий характер, когда стихийно возникающие потоки людей, капиталов и технологий не позволяют национальным правительствам держать под своим контролем на очень широких социальных пространствах ситуацию с занятостью, доходами, с господствующими ожиданиями и настроениями.

Демонстрация против мер правительства ФРГ в борьбе с пандемией COVID-19 с участием сторонников QAnon, Берлин, Германия. 29 августа 2020 года // Axel Schmidt / REUTERS

глобальной эпохи беспорядка», 2020]. Существует множество труднопредсказуемых событий и развилочек, и куда, как говорится, кривая выведет, не знает никто. Но даже происходящее сегодня во многом показательно. Так, в общественном дискурсе запрос на безопасность усиливается относительно запроса на свободу. Со стороны государства это выливается в ужесточение контроля, что явно находит больше если не поддержки, то понимания. Терпимость к бытовым ограничениям и вмешательству в частную жизнь выросла, в том числе в верхних слоях общества. Возможно, и к политическим ограничениям тоже.

Девальвация ценности неприкосновенности частной жизни в сочетании с манипулированием интересами и потребностями, их искусственным формированием становится трендом, и, похоже, весьма долговременным. И все это на фоне взлета популизма: политические системы, кажется, неспособны консолидироваться, чтобы блокировать политиков-популистов, тогда как способность традиционной элиты сохранять свою роль политически ответственного класса значительно ослабла.

Сетевизация коммуникаций, возможность выхода в публичную сферу любого желающего, обесценивание мнения экспертов и специалистов на фоне искаженного, карнавального новостного потока и анонимности в интернете резко увеличивают шансы случайного лидерства. Всемирная сеть, добровольно-принудительно выворачивающая людей наизнанку, в сочетании с популизмом в форме политической клоунады стала существенным фактором политики и общественной жизни. Информационные технологии высвобождают и выносят на поверхность самые темные стороны человека и иногда уже даже не популистские, а абсурдные теории.

К примеру, QAnon — конспирологическое движение, основанное на убеждении в том, что руководство Демократической партии США и многие американские знаменитости поклоняются сатане и вовлечены в гигантскую международную схему торговли и сексуальной эксплуатации маленьких детей [«QAnon», 2021]. Это движение появилось в конце 2017 года и с тех пор успело привлечь в свои ряды десятки тысяч как обычных американцев, так и знаменитостей. QAnon стало ретранслятором «всеобщей теории заговора», объединившей практически все известные конспирологические теории, мистификации и их персонажей. За каких-то три года вокруг идей «новых конспирологов» сложилась целая субкультура с миллионами просмотров